

Ван Дачжуан огляделся по сторонам и спросил:

— Где это мы?

— Я тоже не знаю, — ответил Юй Чанцин.

Он взял Ван Дачжуана за руку и осторожно, шаг за шагом, приблизился к бамбуковой хижине. Подойдя к бамбуковому забору, ограждавшему хижину, Юй Чанцин остановился, слегка коснулся пальцем воздуха перед собой и мягко произнёс:

— Запрет.

Ван Дачжуан увидел, как в воздухе у кончика пальца Сяньцзюня разошлись круги, словно по воде, и, широко раскрыв глаза, спросил:

— Такой же, как тот, что ты поставил у меня дома?

Юй Чанцин кивнул и, медленно обходя вдоль бамбукового забора, сказал:

— Вероятно, это место, где древний великий мудрец когда-то останавливался на досуге.

Ван Дачжуан спросил:

— Ты сможешь снять этот запрет?

Юй Чанцин ответил:

— Запрет, наложенный древним великим мудрецом перед вознесением, пожалуй, не снять даже высокоуровневым практикующим. Не говоря уже о том, что практикующие, попавшие в это измерение, ещё и вынуждены подавлять своё мастерство. Здесь никто не в состоянии снять этот запрет.

— Раз ты уже внутри царства, что будет, если ты перестанешь подавлять свою силу?

— Если от меня просочится хоть капля ауры выше уровня Золотого Ядра, тайное царство тут же отторгнет меня и выбросит наружу.

— Тогда ни в коем случае не делай этого, — поспешно сказал Ван Дачжуан.

Юй Чанцин тихо рассмеялся:

— Разумеется, не сделаю. Если меня вышвырнет — это не беда, но как я могу быть спокоен, оставив тебя здесь одного?

Ван Дачжуан кивнул. Затем он поднял руку и с любопытством тоже потянулся вперёд. Юй Чанцин уже собирался его остановить, как вдруг увидел, что рука Ван Дачжуана прошла сквозь запрет без малейшего сопротивления.

— ...Я не специально.

Сказав так, он убрал руку.

Юй Чанцин коснулся того места, где только что прошла рука Ван Дачжуана. Запрет был цел и невредим.

Он обернулся и посмотрел на своего даолюя.

Ван Дачжуан замахал руками:

— Не спрашивай меня, я ничего не знаю.

Юй Чанцин усмехнулся и сказал:

— Попробуй ещё раз.

Ван Дачжуан послушно снова протянул руку, и она опять прошла внутрь. Он убрал её, а запрет оставался таким же, как прежде.

Он удивлённо моргнул.

Юй Чанцин сказал:

— Посмотри, насколько далеко ты сможешь зайти.

Ван Дачжуан сделал шаг вперёд, но врезался лбом в невидимую преграду запрета.

Юй Чанцин поспешно поддержал его и спросил:

— Какой рукой ты делал это в прошлый раз?

— Правой, — ответил Ван Дачжуан, потирая лоб.

Сказав это, он поднял правую руку и слегка вытянул её вперёд — она снова прошла сквозь преграду.

Юй Чанцин сказал:

— Это лоза Циншань.

Ван Дачжуан поднял на него взгляд.

Юй Чанцин продолжил:

— Лоза Циншань — божественный артефакт. Возможно, она имеет какую-то связь с хозяином этой обители.

Ван Дачжуан протянул правую руку внутрь запрета, затем сделал шаг вперёд — и всё его тело, словно пройдя сквозь тонкую водяную плёнку, оказалось внутри. Но радость ещё не успела вспыхнуть, как первым чувством, поднявшимся в сердце, стал страх: его рука была пустой, его Сяньцзюнь остался снаружи.

Он поспешно вытянул правую руку обратно за пределы запрета и лишь когда ухватился за руку Юй Чанцина, тяжёлый камень наконец упал с его сердца. Тут же, не жалея сил, он потянул Сяньцзюня внутрь и уже не смел разжать пальцы, опасаясь, как бы запрет снова не вытолкнул его.

Внутри оказалась простая на вид маленькая бамбуковая хижина, не старая. Приблизившись, казалось, можно было уловить свежий аромат бамбука — словно запрет защищал её, а ещё больше похоже, что по какой-то причине время здесь застыло, и потому она выглядела так, словно годы совсем не оставили на ней следа.

Ван Дачжуан остановился на пороге, тихо произнёс слова извинения, затем толкнул дверь и вместе с Юй Чанцином вошёл внутрь. Освещение было вовсе не тусклым, внутри царило тёплое, уютное ощущение: солнечный свет лился снаружи, наполняя помещение мягким теплом. Прямо перед входом находилось нечто вроде просторной комнаты: посередине стоял круглый стол из бамбука и два бамбуковых табурета, у стены возвышались два бамбуковых шкафа, а у другой стены ровными рядами были сложены многочисленные большие винные кувшины. Если пройти дальше, во внутренней комнате находилось ложе; на нём стоял низкий столик, а на столике лежал, будто небрежно брошенный, бамбуковый свиток. У окна располагалась кушетка для отдыха.

На стене прямо напротив ложа висел портрет. На нём был изображён со спины мужчина в синем одеянии, стоящий под деревом на краю горного утёса. Одну руку он держал за спиной,

другая свободно свисала, светло-голубая лента для волос и длинные пряди, спадавшие к поясу, мягко колыхались на ветру, создавая впечатление, будто он вот-вот унесётся с ветром.

Штрихи картины были изящны и тщательны, словно в них вложили безграничную глубину чувств. Хотя это был лишь силуэт со спины, даже сквозь полотно ощущалась присущая изображённому человеку свобода и непринуждённость. Однако длинные волосы человека на картине были белоснежно-белыми, отчего на сердце невольно появлялась тень сожаления.

У стены сбоку от картины стоял шкаф, очень похожий на тот, что был в передней комнате. Внутри лежали несколько синих одеяний, очень похожих на те, что были на человеке с портрета. На нижней полке находилась курильница для благовоний, выглядевшая довольно старой; было видно, что ею когда-то часто пользовались, но по неизвестной причине затем убрали.

Всё в бамбуковой хижине казалось непринуждённым и спокойным, будто её хозяин в любой момент мог вернуться, поднять бамбуковый свиток со стола и продолжить чтение.

Ван Дачжуан, глядя на портрет, тихо произнёс:

— Тот, кто писал эту картину, должно быть, очень его любил.

— С чего ты так решил? — мягко спросил Юй Чанцин.

Ван Дачжуан покачал головой:

— Не знаю. Просто такое чувство.

Юй Чанцин негромко откликнулся «хм-м» и, взяв его за руку, увёл обратно в переднюю комнату.

Подойдя к бамбуковым шкафам, они остановились перед ними. Ван Дачжуан протянул руку и открыл один из них: внутри лежали два чайных набора, множество винных кувшинов и разные мелочи.

Юй Чанцин открыл другой шкаф: там было много бамбуковых свитков, похожих на тот, что находился на низком столике, но ещё больше нефритовых табличек. На нижней полке стояли три небольшие шкатулки. Ван Дачжуан открыл одну из них — внутри оказался очень красивый камень: он был полностью прозрачным, и лишь в самом центре виднелось пятно алого цвета, словно прыгающее пламя. Если всмотреться внимательнее, оно напоминало рябь на воде: вроде бы не менялось, но в то же время словно постоянно переливалось, выглядя удивительно живым.

Ван Дачжуан, словно боясь потревожить хозяина дома, понизил голос:

— Что это?

Юй Чанцин бросил на него взгляд, и в его глазах что-то дрогнуло:

— Камень Алого Сердца.

Ван Дачжуан, заметив его выражение, спросил:

— Он очень ценный?

— В мире его трудно отыскать, а значит, он по праву дорог. Этот Камень Алого Сердца можно обменять на целую секту, — ответил Юй Чанцин.

Ван Дачжуан поспешно положил камень обратно в шкатулку и сказал:

— Ничего себе... И что же он может делать, раз такой дорогой?

— Его используют для перековки артефактов. Если взять обычное магическое оружие и заново переплавить с его помощью, в худшем случае оно станет небесного ранга, — объяснил Юй Чанцин.

— В худшем? — переспросил Ван Дачжуан.

— Да. Он может наделить оружие разумом и превратить его в божественный артефакт, подобно твоей Лозе Циншань. А если добавить его к твоей Лозе Циншань, её разумность поднимется ещё на ступень.

Услышав это, Ван Дачжуан снова достал шкатулку и прижал её к груди:

— Тогда я заберу его с собой и перекую твой Фэйшуан.

Юй Чанцин, увидев, как тот обнимает шкатулку с видом щенка, охраняющего свою добычу, ощутил в сердце тёплую волну и мягко сказал:

— У меня есть собственная культивация, мне не нужна поддержка божественного артефакта. А если Лоза Циншань поднимется на уровень выше, это повысит твою боевую мощь.